

единственное число – определенным, а множественное число – неопределенным. Следовательно, «лексико-грамматическая категория числа выражает количественные отношения, существующие в реальной действительности, отраженные в сознании носителей данного языка и имеющие морфологическое выражение в соответствующих формах данного языка» [2].

В татарском языкознании число, как одна из основных грамматических категорий существительного, изучалась уже в 19 веке по мере составления грамматик татарского языка. В первой татарской грамматике, вышедшей в 1801 году под редакцией И. Гиганова, есть сведения о том, что существительные могут быть в единственном и во множественном числе.

В 1846 году издается «Общая грамматика турецко-татарского языка» А. Казем-Бека. Где автор во главе, посвященной именам существительным, отмечает, что в татарском языке даже слова взятые из арабского, не имеют двойственного числа, хотя есть и исключения: *һаремейнз шерифейнз* «два святыя города» (Медина и Мекка), *сефирани мума илейһима* «два вышеупомянутые посла». А. Казембек указывает на морфологическое выражение числа: множественное число образуется от единственного числа через прибавление к концу частицы.

В грамматиках татарского языка, издававшихся в 19 веке в основном содержится информация о морфологическом выражении числа имен существительных. Среди них можно отметить «Анмузадж» К. Насыри. Однако здесь помимо указания на морфологический способ выражения числа имен существительных, автор также обращает внимание и на синтаксический способ: «Одно из двух имен существительных выступает в роли имени прилагательного и определяет количество предмета, выраженного следующим за ним именем существительным, например: *пот шикәр* «суд сахара», *өч кадак чэй* «три фунта чаю», *ике чана утын* «двое саней дров», *ике арба көлтә* «две телеги снопа», *биш чиләк бәрәңге* «пять ведер картофеля», *бер тотам чәчәк* «один букет цветов».

Примечательна также работа Ибрагимова «Татар сарыфы», где автор считает, что множество в татарском языке образуется при помощи аффикса *-лар*: *хэйваннар*, *фәнләр*, *гакыллар*, *маллар*. Как одно из значений множественного числа выделяет совокупность собственных имен в форме множественного числа: *Габдрахманнар килде*, *Мин Шакирларга барам*.

И. Г. Мифтахова, автор работы «Развитие грамматической теории в татарском языкознании. Самостоятельные части речи» отмечает, что среди грамматик вышедших в 19 веке в начале 20 века в качестве показателя множественного числа указывается аффикс *-лар/-ләр*. Только несколько

второв грамматик 19 века, отражая орфоэпические нормы языка, добавляют к ним аффиксы *-нар/-нәр*. В начале 20 века впервые такое замечание встречаем в грамматиках Г. Алпарова, М. Курбангалиева и Р. Газизова, Х. Баянгова, Ш. Рамазанова и Х. Хисматуллина.

В 1954 г. вышла «Грамматика татарского языка» В. Н. Хангильдина. Она до сих пор считается одной из удачных в отражении грамматических категорий татарского литературного языка. И по нашему вопросу здесь содержится много ценной информации. Ученый считает, что категория числа характерна всем частям речи, кроме наречий и междометий, однако с семантической стороны эта категория находится в тесной связи со значением предметности, поэтому в основном характерна для имен существительных, личных местоимений, также для существительных в притяжательной форме. Аффиксы *-лар/-ләр*, *-нар/-нәр* присоединяются к существительным, глаголам 3-го лица. Впервые в татарском языкознании автор грамматики указывает на то, что помимо этого аффикса для выражения значения множественности в татарском языке существуют и архаичные аффиксы: *-з* и *-к*. Аффикс *-з* в основном образует форму множественного числа 1-го и 2-го лица личных местоимений: *без*, *сез*, также форму принадлежности существительных: *студентыбыз(мыз)*, *студентсыз*, *колхозыбыз*, *фабрикагыз*, форму множественного числа глагола: *сөйләгез(нез)*, *сөйләрсез*, *сайлыйбыз(мыз)*, а аффикс *-к* находим в формах 1-го лица условного, повелительного наклонений, прошедшего времени глагола, например: *башлык*, *сөйләшик*, *башладык*, *сөйләштек*, *башласак*, *сөйләшсәк*. Здесь *-к* одновременно обозначает и лицо и число.

Как считает автор, число – это грамматико-синтаксическая категория. Так как оно выражает синтаксические отношения между словами внутри словосочетаний и предложений. Это подтверждается и тем, что словосочетания, состоящие из сочетания числительного и существительного, согласуются в единственном числе, а в предложении подлежащее и сказуемое могут согласоваться и в единственном и множественном числе.

В. Н. Хангильдина впервые обращает внимание и на то, что аффиксы множественного числа могут относиться к аффиксам словообразовательной группы. Они, присоединяясь к абстрактным, вещественным, собирательным и собственным именам, меняют значения слова, также, присоединяясь к другим частям речи, могут образовывать новые слова, например: *яшьләр* «молодежь», *кызыллар* «красные», *аклар* «белые» и другие. Эти существительные в татарском языке используются только во множественном числе, а форма единственного числа употребляется только как прилагательное.